
Валентин Муханов
Откат

Валентин Муханов
Откат

https://litres.ru/74708939
SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Сомов девятнадцать лет чинит на ТЭЦ-4 старый программно-технический комплекс: четыре шкафа, три лампочки и бумажку «Не выключать!» на скотче. В марте комплекс приказывают демонтировать — а в кабельном подвале начинает прибывать вода. Она идёт из-под двери, заваренной сорок лет назад.

За дверью сухо. Там стоит пульт без единого кабеля, и на его экране — мнемосхема города и события, которых ещё не было. У пульта есть правило: любую запись можно изменить, если есть чем заплатить. Плата — память. Своя или чужая.

Кирилл не любит удалять. Он привык хранить. Но однажды ему придётся стереть единственное, что он пытался сохранить, — чтобы город не отменили вместе с его прошлым.

Роман о тепле, памяти и цене, которую платят за то, чтобы в домах было тепло.

Валентин Муханов
Откат

Глава 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Вода

Утром семнадцатого марта у нас затопило кабельный подвал. В восемь сорок три, если точно. За весь день это было единственное событие, которое кто-то удосужился заметить.

Вода стояла по щиколотку и была тёплая — почти как в ванне. В марте она всегда такая; это единственное хорошее, что можно сказать о нашей теплосети. Но пахла она не подвалом. Подвалы обычно пахнут сыростью, мазутом и мокрой тряпкой. Эта же вода не пахла ничем.

Сапоги стояли у входа, как у всех, кто здесь работает. Я натянул их, подвернул штаны и пошёл к трапу. В руке было ведро. Ведро у меня всегда было с собой. В кабельном подвале оно считается инструментом.

Подвал тянулся под щитом управления на шестьдесят метров. Три ряда лотков, в лотках — контрольные кабели, КВВБбШв, в броне, серые и тяжёлые, как змеи после линьки. До лотков было полметра. До воды — восемь сантиметров,

и она прибывала.

Если зальёт лотки, изоляция намокнет, сопротивление упадёт, защита начнёт врать. Защита врёт — турбина встаёт. Турбина встанет — к вечеру без тепла останется половина города.

Насос в приямке работал. Я приложил руку к кожуху — гудит, качает, всё как положено. Вода не уходила. Она стояла ровно, как налитая в стакан, и рябь от шагов гасла слишком быстро, будто кто-то придерживал поверхность ладонью.

Я вылил первое ведро в трап. Вода ушла неохотно. Я вернулся, зачерпнул второе. Потом третье.

К девяти часам я вылил, наверное, тридцать вёдер, а вода стояла на той же отметке. Это было странно. Не то чтобы она не убывала — она не двигалась.

Я проверил трапы. Сухие. Проверил приямок — насос гудит, поплавок на месте. Проверил ввод — сухо. Вода не приходила из города. Она шла от дальней стены.

Я пошёл по ней.

В щите управления пахло кофе и бумагой. Комиссия стояла у нового пульта — того самого, с нулями и смотрела на мнемосхему, как смотрят на картину в музее.

Крылова была в костюме и с папкой. Людмила Петровна Крылова, главный инженер. Папка у неё всегда.

— Кирилл Андреевич, — сказала она. — Вы почему в сапогах?

— В подвале вода.

— Много?

— По щиколотку.

— Откачайте.

— Нечем.

— Ведром.

— Я и откачиваю.

— Значит, плохо.

— Значит, вода не уходит.

Гущин из управления — тот, в хорошем костюме, с часами, которые он всё время поправлял, — посмотрел на мои сапоги и ничего не сказал. Смирнова из ПТО, с ноутбуком, на крышке которого была наклейка «Не трогать», что-то записала.

— Это комиссия из управления, — сказала Крылова. — Они подписывают акт о выводе из эксплуатации.

— Какого комплекса?

— ПТК «Градиент-2», — сказала Крылова. — Программно-технический комплекс. Тот самый, который вы девятнадцать лет чините. Демонтаж должен быть до первого апреля.

— Комплексу уже сорок лет, — сказал я.

— Сорок, — согласилась она.

— Но он держит защиты.

— Его не выключат. Его демонтируют.

— Для защит это одно и то же.

Крылова посмотрела на меня так, как смотрят на челове-

ка, который мешает подписывать бумаги.

— Новый комплекс уже стоит, — сказала она. — «Градиент-М». В соседней аппаратной. Вы его видели.

— Видел. И у него нули на каналах с четырнадцатого по двадцать второй.

— Это все переходный период.

— Переходный период — это когда ничего не работает, и никто не виноват.

— Вот именно — сказала Крылова.

— У нового комплекса нет регистрации защит, — сказал я. — Он видит технологию, но не видит защит. Если демонтировать старый, при аварии мы не узнаем, что произошло.

— При аварии вы и так не узнаете — сказала Смирнова. — Вы же не пишете в журнал.

— Пишу.

— Пишете. А потом теряете.

— Я не теряю. Я храню. Это разные вещи.

Она посмотрела на меня, как на экспонат.

Крылова положила на стол лист. График демонтажа, внизу пустая строка для ответственного.

— Подпишите.

— Не подпишу.

— Кирилл Андреевич.

— Пока новый комплекс не увидит все каналы, я не подпишу.

— Это не в вашей компетенции.

— Это в моей компетенции. Я все-таки еще ответственный за АСУ.

Гущин посмотрел на Крылову. Крылова посмотрела на меня.

— Хорошо — сказала она. — Мы подождём.

Они ушли. В щите стало тихо, и стало слышно, как гудит турбина.

На стене висела фотография смены девяносто восьмого года. Отец стоял у пульта, молодой, в белой рубашке, и держал в руке стакан с чаем. Я знал эту фотографию наизусть: она висела здесь дольше, чем я тут работал.

— Он бы подписал, — сказала Крылова.

Она не ушла с комиссией, а стояла у двери, с папкой.

— Он бы сначала посмотрел каналы — сказал я.

— Кирилл.

Я обернулся.

— Подпиши, — сказала она. — Я тебе премию выпишу. Хорошую.

— Не надо.

— Тогда подпишет комиссия. А ответственным останешься ты.

— Я в любом случае буду ответственным.

— Вот тогда и подпиши.

Но я не подписал.

В девять сорок вечера я спустился снова. Вода была почти

по колено. До лотков оставалось пять сантиметров.

Она стояла ровно, без ряби, и в ней отражались лампочки — три из шести.

Я пошёл по ней в дальний конец подвала, туда, где стояла заваренная дверь. Девятнадцать лет я ходил мимо неё. Она была заварена наглухо, с мясом, как заваривают не то, что сломано, а то, что не должно открываться. Краска на шве была старая, в трещинах, и по трещинам висела паутина.

Вода шла из-под неё.

Я посветил фонарём в щель. За дверью было сухо. Не просто «менее мокро», а именно сухо. На бетоне не было ни капли, ни тёмного пятна, ни блеска.

Я проверил стену над дверью - сухая. Потолок - сухой. Трубу, которая шла вдоль стены тоже была сухая.

Вода шла из-под двери, за которой было сухо, и я решил сходить в мастерскую за болгаркой.

Болгарка была аккумуляторная, тяжёлая, с диском по металлу. Под ноги я подложил сухой поддон из-под кабеля, чтобы не стоять в воде.

Я резал снизу, у самого пола, где вода выходила из щели. Металл был старый, ржавый, краска горела и воняла. Искры летели в воду и гасли с шипением. За стеной гудела турбина, и я надеялся, что нас никто не услышит.

Минут через семь дверь вздрогнула.

Я отложил болгарку, взялся за край и потянул. Дверь по-

шла тяжело, с металлическим стоном, и открылась.

Вода рванулась в проём — и встала на пороге.

Не разлилась. Не потекла дальше. Встала, как будто упёрлась в стекло.

Я перешагнул. Сапоги остались мокрыми, а пол за порогом был сухой.

Комната была маленькая, метров двадцать. Вдоль стены стояли шкафы, серые, с белыми бирками. На бирках было напечатано: «Градиент-1», «Секция 1», «Секция 2». Пыли не было. Совсем. Я провёл пальцем по крышке шкафа — палец остался чистым.

Посередине стоял стол. На столе — лампа, телефон без провода и инструкция. На обложке: «ПТК „Градиент-1“. Руководство оператора. 1966». Я снял трубку: гудка не было.

Между страницами инструкции лежала закладка — полоска картона с надписью от руки: «Секция 2. Каналы 14–22». Я перевернул страницу. На полях были пометки, сделанные тем же почерком, что и в журнале.

Стул у стола был с продавленным сиденьем. На подлокотнике лежала отвёртка.

Ещё на столе лежал вахтенный журнал. Раскрытый. Последняя запись была сделана аккуратным почерком: «17.03.1986. 23:40. Смена принята». Дальше страница была чистой.

Я полистал назад. Восьмидесятый, семьдесят пятый,

шестьдесят шестой — записи ровные, ежедневные, чернила выцвели до коричневого. Ближе к концу — март восемьдесят шестого: шестнадцатое, пятнадцатое, четырнадцатое. И семнадцатое, последнее. Дальше — чисто.

Я закрыл журнал и посмотрел на обложку. На ней не было ни инвентарного номера, ни штампа.

У окна, которого не было, стоял АРМ — автоматизированное рабочее место, попросту пульт. Ламповый монитор, клавиатура, системный блок размером с тумбочку. Ни одного кабеля. Я посмотрел за шкафы, потом вдоль плинтуса. Ни провода, ни розетки, ни следа, что здесь когда-то было питание.

Экран горел.

Зелёный, чуть подрагивающий. На нём была мнемосхема: котлы, турбины, деаэраторы, трубы, а за ними — квадратики домов. Наш город, нарисованный человеком, который никогда не видел города сверху.

Под мнемосхемой шли строки.

«17.03.2026 08:37. Затопление кабельного подвала. Причина: не установлена».

«Вы опоздали на 6 минут. Попробуйте ещё раз».

«18.03.2026 09:41. Котёл № 3. Отсечка. Пострадавший: Кузьмин С. А.».

Я посмотрел на часы. Двадцать два десять. Семнадцатое марта.

Я проверил дату на экране. Семнадцатое марта, двадцать

два десять.

Я обошёл стол, встал на колени, заглянул под него. Там была пыль — обычная, серая, с волосками. Значит, пыль в комнате всё-таки была. Просто не на шкафах.

Я выпрямился и нажал на клавишу. Курсор дёрнулся. Строка про Кузьмина осталась.

Я нажал ещё раз. Потом ещё.

— Эй, — сказал я.

Комната молчала. Телефон в трубке молчал. За стеной гудела турбина.

Я стоял и смотрел на строку. Потом на часы. Потом опять на строку. Часы шли. Строка не менялась.

Первое объяснение: это не работает. Второе: это работает, но неправильно — сбита дата, старая программа, музейный экспонат. Третье: я устал.

Ни одно не держалось. За шкафами не было кабелей. В комнате не было пыли. Вода не входила в дверь. И кто-то завёл этот пульт после того, как дверь заварили.

Я поймал себя на том, что стою очень тихо, как будто боюсь, что меня услышат.

Кузьмин работал в ночную. Сорок один год, машинист-обходчик, привычка пить чай на площадке у третьего котла. Завтра в девять сорок одну он пойдёт проверять импульсную линию.

Я не верил в чудеса. Я верил в короткие замыкания.

Я вышел и не закрыл дверь. За спиной гудел экран. Вода

в подвале стояла почти по колено и не убывала.

Всю дорогу до проходной я думал о том, что Кузьмин завтра выйдет на смену. И о том, что я ничего ему не скажу.